

*Посвящается каждому,
кто хоть однажды сторал от ненависти к себе.*

*Ты не ошибка. Ты прекрасен.
Позволь себе это увидеть.*

ПРОЛОГ

Ронда никогда не была аккуратной, а беспорядок, что сейчас царил в ее мыслях, лишь усугублял свойственную девушке небрежность.

Стараясь моргать как можно реже, чтобы веки не слиплись от недосыпа, она устало смотрела на раскиданные по столешнице бумаги: вырванные из блокнота листы, смятые салфетки с коричневыми кругами от стаканчиков кофе и даже рекламные флаеры, случайно попавшие под руку в нужный момент. Записи на этих клочках сделаны разной пастой, но одинаковым кривым, угловатым почерком. И все они — вестники чьей-то смерти.

Тихий звук расстегивающейся молнии, шорох ткани легкой полицейской куртки, и вот на стол упала новая записка, выведенная все тем же дерганым, изломанным почерком.

— Это уже девятнадцатый случай за месяц, — Ронда урюмо поджала покусанные губы.

Взгляд охровых глаз в сотый раз скользнул по разбро- санным бумагам, ревностно цепляясь за каждую из них. Ронда снова и снова пересчитывала затасканные листы, не зная, чего боится больше. Того, что к старым записям, как сегодня, прибавится новый «некролог»? Или страшится утерять хотя бы одну зацепку?

Хотя... Все записи одинаковы. В них разнятся лишь имена, возраст и пол, но суть всегда остается прежней: смерть без видимых причин и предпосылок на фоне полного здоровья, которое неизменно подтверждается вскрытием. Как и сегодня.

— Люди умирают, — будничным тоном отозвался собеседник Ронды и беспечно рухнул в кресло за массивным рабочим столом. От того, как резко парень это сделал, по комнате прошел легкий ветерок и чуть не скинул на пол драгоценные записки.

Ронда встревоженно хлопнула по столу, успев поймать несколько салфеток, которые чуть не упорхнули на пол. Пальцы дрожали от усталости, сердце билось где-то в горле. Причина в глупых бумажках или в том, что еще десять минут назад при ней вскрыли человека?

— Умирают, — кивнула Ронда и часто заморгала, прогоняя тошнотворный образ, сотканный из алых и белых нитей. Будучи стажером в полиции, она привыкла видеть смерть, но еще никогда не касалась ее омерзительной медицинской изнанки. — Но эти случаи...

— ...не должны тебя беспокоить, — закончил вместо Ронды парень. Натолкнувшись на недовольный взгляд, сверкающий медью, он удивленно вскинул темные брови: — Что? Я опять сказал что-то не так?

Голубые глаза, окруженные тенями недосыпа, словно тучами, еще минуту назад походили на безжизненные стекляшки. Теперь же они испуганно округлились, а парень озадаченно взъерошил темные кудри на затылке.

Такой знакомый, привычный жест неожиданно показался глотком свежего воздуха, который разбавил спертую атмосферу городского морга. Ронда, позабыв, что прямо за стеной кабинета лежат окоченевшие, посеревшие от дыхания смерти тела, впервые за вечер улыбнулась:

— Все так, Ааррон. Не мое дело, — улыбка быстро потухла, как свеча под порывом злого ветра. — Но я не могу поверить, что это просто случайные смерти. Как бы все вокруг ни пытались убедить в этом меня и самих себя.

Договорив, Ронда неосознанно расправила плечи так, что теперь на синей куртке отчетливо виднелись все полицейские нашивки. Волосы цвета ржавчины, собранные в высокий тугой хвост, качнулись маятником и замерли ровно между лопаток, когда Ронда вытянулась в струнку. Она словно отчитывалась перед наставником. Только вот его здесь не было. Мистер Ханс, как и другие служители порядка, поставил крест на деле еще до того, как его успели открыть.

«У погибших нет ничего общего, что могло бы стать зацепкой, — голосом Ханса ворчливо проскрежетали воспоминания, — а их смерти не были насильственными. Это не наше дело, Ронда. Не лезь».

Но Ханс, как и все вокруг, ошибался. Кое-что общее у умерших «без причины» все же было.

— Со школы ты ничуть не изменилась, — голос Ааррона, разбавленный нотками ностальгии, походил на тягучий сладкий мед. — Все та же ответственная, строгая Ронда...

Она вымученно улыбнулась и принялась собирать все записи в стопку. Ааррон молча наблюдал за подругой, уютно покачиваясь в кресле.

— Ты тоже не изменился за эти семь лет, — наконец выдавила Ронда. Она сделала это не потому, что хотела, а потому что Ааррон ждал.

— Все тот же красавчик?

— Скорее, чудик.

«Ведь только чудик добровольно согласится посвятить жизнь работе с мертвыми», — закончила она мысленно, а взгляд, выдавая желание поскорее сбежать из морга, скользнул к двери.

Из-за нее в крохотный кабинет сквозь мельчайшие щели просачивался тошнотворный запах. Смерть пахла так, будто в блендере смешали что-то сладкое, рыбу и кошачий корм. Мерзость, которая уже въелась в кожу, ткань и память. И если одежду можно постирать, а самому провести в душе не один час, оттирая с тела запах, то изнутри его ничем не вытравишь.

Но уходить еще рано.

— У меня к тебе есть просьба, Ааррон.

Молодой патологоанатом сложил пальцы под подбородком. В такой позе вкупе с белым медицинским халатом он походил на безумного злодея.

— Ты называешь меня чудиком, а затем просишь... О чем?

— Передавать мне сведения обо всех, кто умрет так, как... они, — Ронда кивнула на кипу листочков, которую сжимала в руке, и помрачнела.

Если Ааррон откажет, она поймет. Старая дружба не обязывает парня выдавать рабочую информацию.

— Почему для тебя это так важно? — Его взгляд впился в бледное, без единой родинки или веснушки лицо. — Полиция отказалась вести дело. Улик нет, как и следов преступления. Внезапная смерть — проблема медиков, Ронда.

Горечь заполнила рот вместо слюны. Ну вот. И Ааррон туда же.

— Не хочешь помогать...

— Я не хочу позволить тебе шагнуть в болото, — поправил Ааррон с укоризной. — Это «дело» сожрет твои нервы и время. Нет ни единой точки, в которой хотя бы с натяжкой можно было бы свести нити.

— Вообще-то есть, — выпалила Ронда и тяжело слотнула. Она почти физически ощутила, как от напряжения в комнате загустел воздух. — Я опросила близких погибших...

Ааррон устало провел по щетинистому подбородку рукой, на которой явственно выступали вены. Всего лишь жест, но в нем отчетливо звучал укор: «Тебе не разрешали их опрашивать. Ты пошла сама. Хочешь проблем?»

Но вслух Ааррон произнес другое:

— И что ты узнала?

— В курсе про луна-парк «Жерло» на окраине Фирбси? — вопросом на вопрос ответила Ронда.

Ааррон подозрительно сощурился и кивнул:

— При чем тут парк?

— Пока не знаю, но каждый из «беспричинно» погибших был там примерно за месяц до кончины. И что-то мне подсказывает — это не совпадение.

ГЛАВА I

То, что она проспала киноночь, Этель поняла сразу же, едва открыла глаза. Простынь была усыпана карамельным попкорном, который хрустел при малейшем движении и колот открытую кожу бедер и рук. На однотонной белой стене виднелся бледный в свете солнечных лучей прямоугольник — застывший кадр титров, транслируемый проектором.

Этель потянулась, чтобы отключить аппаратуру, которая стояла в изголовье кровати. Палец ужалило от того, как нагрелся металл прибора. Девушка дернулась от неожиданности, а тишину разорвал глухой стук — на пол упала оранжевая пластмассовая тарелка, в которой раньше был попкорн. По крайней мере, Этель думала, что тарелка упала на пол...

— Прямо в лоб! Вот это меткость! — прохрипел откуда-то снизу сонный голос. — И тебе доброе утро, Этель!

Она чуть подалась вперед, чтобы увидеть смуглое, помятое после внезапного пробуждения лицо друга, проспавшего на полу всю ночь. Глядя на парня, Этель виновато улыбнулась. Ее глаза — один ярко-зеленый, а другой белесый — мило сощурились. При этом грубая сеточка шрамов, вуалью покрывавшая левую часть лица, словно еще глубже въелась в оливковую кожу.

— Уже почти обед, Каспер, — сильным спросонья голосом оповестила Этель и кивнула на маленькие часы. Они ютились на полочке по соседству с золотыми кубками, обвешанными медалями.

Каспер недовольно застонал и перекатился под кровать, прячась от солнечных лучей, что играли на его лице и путались в коротких каштановых волосах. Этель успела поймать друга за ворот футболки и потянула:

— Вставай, Каспер! Я без тебя на кухню не спущусь!

— Это еще почему? — Парень лениво разлепил один глаз, чтобы с удивлением снизу вверх посмотреть на Этель.

— Я не собираюсь играть шоу перед твоими родителями одна.

Каспер увернулся от Этель и все же перекатился под кровать, спрятавшись в ее тени и от солнца, и от приставучей подруги. Она всплеснула руками и спрыгнула на пол, чтобы продолжить сверлить укоризненным взглядом темноволосяй затылок.

— Каспер! — рассерженно позвала она. — Наше представление затянулось. На прошлых выходных твоя мама все-ррез спрашивала, когда мы с тобой планируем съезжаться!

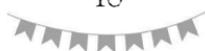
Очень медленно парень перевернулся на бок. Этель едва сдержалась, чтобы не юркнуть под кровать к нему. Тогда-то Каспер точно никуда не сбежит от разговора! Но пол был усыпан попкорном и чипсами, а под изножьем горкой валялись носки. И что-то подсказывало, они были далеко не первой свежести...

— Тебе не стоит стесняться моих родителей, — растеря сонные глаза, зевнул Каспер. — Ты им нравишься.

— Вот именно, — Этель щелкнула ногтем по зернышку попкорна, и оно метко угодило прямо в висок Каспера. Парень ойкнул и сморщился, а Этель продолжила: — Они уверены, что мы и правда встречаемся. Как долго еще планируешь разыгрывать это представление?

Каспер тяжело вздохнул, как вздыхал каждый раз, стоило Этель завести этот разговор. Она стиснула челюсти, уже догадываясь, что услышит в ответ, ведь он всегда звучал почти одинаково.

— Скажу. Скажу после соревнований в конце лета. Получу очередной кубок, чтобы задобрить родню, сойду с пьедестала...

— Мокрый после заплыва и не слишком одетый, — фыркнула Этель, уже представляя эту картину.

— Не суть. Главное, я получу кубок и отвоюю повышенную стипендию. Это станет важнее, чем новость о нашем с тобой «разрыве», — Каспер привычным жестом изобразил кавычки. — Короче, забей.

Этель выгнула рыжую бровь и неодобрительно покачала головой. Их с Каспером спектакль затянулся на целый год. Помогать другу, притворяясь парой, было несложно, но это мешало планам Этель. Вместо дополнительных занятий в университете и посещения научных кружков ей часто приходилось подыгрывать Касперу на очередной тусовке. Сначала это было даже забавно, но со временем игра затянулась и наскучила.

Этель раздражало, что друг настолько хочет соответствовать ожиданиям, что готов заполнять пробелы в своей жизни обманом. И даже более того, он готов уламывать на ложь других.

Популярный спортсмен из хорошего универа? Круто, конечно, но недостаточно. У тебя вообще-то еще и девушка должна быть, забыл? Не можешь или не хочешь искать настоящую? Вспомни, у тебя вообще-то есть подруга! Попроси ее подыграть.

Похоже, именно так в своей голове рассуждал Каспер. Этель никогда не понимала, почему для друга так важно *казаться* идеальным. Почему он непременно и абсолютно во всем хочет соответствовать общепринятым нормам? К чему этот внешний лоск?

«Зарабатываю очки репутации. Она — ключ ко всем дверям», — всегда говорил Каспер. Поначалу Этель в ответ смеялась и кивала, потом — закатывала глаза. Сейчас же она четко ощущала в этих словах фальшь.

Для Этель, которая в свои девятнадцать даже не влюблялась никогда, отсутствие пары — не упущение. Но для Каспера одиночество — серьезный пробел в репутации. Почему-то...

— Ты — мое идеальное прикрытие, — поймав запястье Этель, гордо, насколько это может сделать человек, лежащий под кроватью, сказал Каспер.

Раньше Этель хихикала над его пафосными, но смешными признаниями. Теперь же она устало качала головой.

— На этой неделе без меня, — Этель с отвращением соскребла с коленки крошки от чипсов. — Сможешь?

— Нет!!! — Каспер подскочил так резво, что ударился макушкой о дно кровати. — Я ведь говорил, что на этих выходных тусовка свиты. Там будет куча народу. Я уже предвкушаю эти вопросы: «Каспер! А где твоя великолепная, умопомрачительная и невероятно умная девушка? Где этот талантливый будущий доктор, который спасет мир от всех болезней?»

Этель щелкнула языком, но потом все же засмеялась. Лыстил Каспер непростительно неприкрыто, но это было забавно. Однако улыбки недостаточно, чтобы изменить принятое решение.

— В луна-парке нужны волонтеры-медики. Особенно в выходные. Я не могу пропустить смену, иначе мое место отдадут кому-то другому.

— Пф, — фыркнул Каспер, ползком выбираясь наружу. Этель пришлось отодвинуться, чтобы выпустить друга из подкроватной тьмы к солнечному свету. — Вот тебе заняться нечем... Лето, каникулы... Волонтерство.

Каспер скорчил рожицу, изображая приступ тошноты.

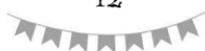
— Отдых. Не слышала о такой штуке?

— Кто бы говорил. Сам-то и на плавание гоняешь, и потом зависаешь в скейт-парке. Не мог выбрать что-то одно?

— Это другое. Это спорт! — голубые глаза Каспера засияли счастливым блеском.

Этель скрестила руки на груди, серьезно размышляя над тем, а не щелкнуть ли Каспера по лбу.

— Ты ведь знаешь, как это важно для меня, — простонала Этель. — За отработанные волонтерские часы можно «купить» дополнительные курсы. В симуляционном центре! Представляешь, как круто?!

Каспер задумчиво взъерошил короткие каштановые волосы, и из них, как снежинки на ветру, посыпались крошки, которые прилипли к нему, пока он ползал под кроватью.

— Представляю, — без энтузиазма отозвался друг. — Так и вижу, с каким задором ты откачиваешь манекены вместо того, чтобы оттягиваться со мной. Познакомилась бы с новыми ребятами из моего универа. Пообщалась. Выпила бы, в конце концов, чтобы расслабиться...

— Каспер!

Он все же получил подзатыльник, а Этель сморщилась — к ладони прилипли крошки, что остались на его волосах. Все-таки не стоило им тащить на кровать столько еды. Оба уснули и ночью опрокинули все тарелки. Теперь и попкорн, и чипсы, и соленые орешки усыпали пол мерзким хрустящим ковром. Хорошо хоть колу убрали на тумбочку...

Этель отхлебнула из стакана, недовольно скривилась и отодвинула его подальше. За ночь напитков совсем выдохся. Как и терпение Этель.

— В общем, Каспер, торжественно заявляю: на лето наш контракт расторгнут. Мне нужно набрать как можно больше волонтерских часов.

Денег сестры Этель, на которые они жили вдвоем, едва хватало на то, чтобы оплатить счета и купить все необходимое. Речи о том, чтобы потратиться еще и на дополнительные курсы, и быть не могло. И раз есть шанс попасть на дополнительные занятия бесплатно, нужно хвататься за него и не отпускать!

Подумав об этом, Этель неосознанно коснулась шрамов на левой половине лица. Так случалось всякий раз, когда Этель хотела напомнить себе, для чего она старается.

Прикосновение к неровной, истерзанной старыми ранами коже всегда откликалось в душе ядом воспоминаний. Отравы, растекаясь по венам, ускоряла сердцебиение, становилось труднее дышать, а перед глазами мелькали картинки прошлого, словно вырванные из кошмарного сна.

Но шутки, как и воспоминания, были настоящими. И это снова и снова приводило к мысли: если старания Этель однажды помогут спасти хоть кого-нибудь, она должна бороться за каждую крупицу знаний.

— Вечеринка будет ближе к вечеру. Может, все-таки успеешь после своей смены?

Вместо ответа Этель шумно вздохнула и одарила друга тяжелым взглядом.

— Вот ведь не сидится тебе спокойно, — удрученно буркнул парень, а затем с тусклой улыбкой потрепал рыжую макушку подруги. — Ладно, я придумаю отмазку, почему пришел без тебя.

— Отмазку? Да всем плевать ведь.

— Моим родителям вряд ли. Да и друзьям... Наверняка подумают, что мы поссорились или типа того.

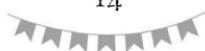
— Мне не нравится, что ты им врешь о нас, — Этель отвела взгляд к окну, чувствуя себя виноватой. Будто это она лгала родным, а не Каспер. — Я могу понять, почему ты хочешь врать о нас своим *друзьям*, — она намеренно выделила это слово едкой интонацией. — Но родители... Может, хотя бы дома стоит признаться, что это все постановка?

— В конце лета, говорю же, — отмахнулся Каспер. Он поднялся с пола и, не глядя на Этель, торопливо перевел тему: — Когда там тебе в луна-парк? Договориться по поводу места и все такое?..

— Через два часа нужно быть там. Я вчера взяла с собой ролики, так что до «Жерла» доберусь быстро.

Луна-парк на окраине Фирбси открыли в начале весны. К своему стыду, Этель еще ни разу не бывала в «Жерле», однако место, где раскинулся парк, она знала хорошо.

В школьные годы Этель вместе с одноклассниками частенько приходила к заброшенному театру, чтобы послушать жуткие истории. Потом ее друзья уходили гулять по пустынным коридорам «Юстины», но сама Этель всегда оставалась за забором и наблюдала издали. Раньше она была еще той трусихой.

Удивительно, но, несмотря на то что театр давно закрыт, здание хорошо сохранилось. В стенах нет трещин или разломов. Полы тоже целы. Даже стекла почти все на месте.

О том, что театр не работает и стал местом сборищ подростков и городских банд, говорили лишь граффити. Цветные рисунки покрывали стены снаружи и, по слухам, изнутри, словно переползая туда сквозь редкие выбитые окна.

Вокруг этого театра всего за одну ночь и развернулся луна-парк. Не было ни объявлений, ни рекламы. Просто однажды унылый пустырь вокруг потрепанного здания окрасился яркими цветными огоньками, а тишину вспорола музыка, льющаяся из трескучих колонок.

В интернете Этель видела ролики и фотки знакомых, которые уже успели побывать в «Жерле». Судя по ним, в луна-парке не только катались на аттракционах, но и изредка проводили любительские представления в «Юстине». Горожане пели и танцевали, школьники ставили сценки и рассказывали стихи собственного сочинения.

Звучит здорово, но выглядит пугающе. По крайней мере, так казалось Этель.

Облезлые стены зала, местами изодранные кулисы и скрипучие половицы внушали странное, гнетущее чувство. Такое Этель испытывала в детстве, когда соседская девчонка приносила свою жуткую одноглазую куклу с отломанной рукой: играть можно, но чувство того, что кукла мертва, не покидало ни на секунду.

Каспер ушел собираться в другую комнату, чтобы не смущать Этель. Она быстро переоделась в цветастый топ и джинсовые шорты, забрала волосы в пышный высокий хвост и уже хотела выходить в коридор, но остановилась напротив зеркала.

С хвостом очень удобно и совсем не жарко (а на улице сегодня как раз обещали плюс тридцать). Но такая прическа только подчеркивает уродливые шрамы. Да и слепой глаз спрятать за локонами не выйдет.

Этель поджала губы и потянулась, чтобы сдернуть резинку, стягивающую волосы, но замерла. Эти шрамы, как

и прошлое, — часть нее, от которой не убежать. За водопадом волос отвратительные отметины не исчезнут, не растворятся вместе с ужасными воспоминаниями. Попытка скрыть старые раны — не что иное, как желание притвориться, будто не существует ни шрамов, ни событий, которые оставили их семь лет назад.

Нет. Этель не станет жить в иллюзии. Реальность омерзительна, как и бледные шрамы, неровными бороздами вьевшиеся в кожу. Как и мутный слепой глаз, затянутый бельмом. Но прошлое не изменить. Оно — напоминание и наставление для Этель. Горький урок, который она вынесла раз и навсегда.

— Ты там скоро? — под дверью собственной комнаты простонал Каспер. — Я уже давно собрался. И прошел уровень мобильной игры. И полистал ленту. И...

— И приготовил нам завтрак? — подсказала Этель, в обнимку с рюкзаком возникнув на пороге.

— Нет. Не приготовил, — потер темноволосый затылок Каспер, а потом просиял довольной улыбкой: — Его для нас оставила мама. Родители, кстати, уже ушли.

Этель тяжело вздохнула и поплелась к лестнице, ведущей на кухню. Каспер вышагивал следом по залитому солнцем коридору, воодушевленно вещая:

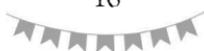
— Между прочим, там не только завтрак. Нам с тобой собрали ланчи на весь день.

— Нам с тобой? — Нахмуренные брови Этель низко нависли над глазами. — Ты поедешь со мной в парк?

— Нет. Но буду неподалеку и тоже пропаду до вечера. Встречаюсь с друзьями, — длинноногий Каспер в один прыжок перескочил четыре ступеньки и, обогнав Этель, вошел на кухню.

Большой обеденный стол, накрытый светлой скатертью, был уставлен тарелками со свежими яблоками и клубникой. Там же ждала пара бумажных пакетов, заботливо подписанных мамой Каспера.

Один из таких пакетов парень пододвинул к себе, а второй — протянул Этель. На нем она прочла пожелание от-

личного дня и сдавленно улыбнулась, заметив подпись: «Для милой Этель».

Она не сомневалась, что отношение родителей Каспера к ней не изменится после того, как друзья, стоворившиеся обманщики, раскроют карты. Но Этель все равно было не по себе от одной лишь мысли, что приходится водить за нос добрых, наивных людей.

Ни за завтраком, уплетая омлет с зеленью и беконом, ни после него Этель не стала вновь поднимать наиболее болезненную тему. За столом она болтала с Каспером о какой-то ерунде, выслушала его жалобы на новичков в бассейне, которые постоянно оставляют в раздевалке погром, и сама посетовала на сестру. Ронда, конечно, не разносит дом, но беспорядок — ее стихия и боль Этель.

Когда друзья вышли на веранду, солнце палило так, что Этель казалось, будто ее кожа вот-вот покроется поджаристой корочкой. Но, несмотря на жгучий летний жар, по улицам, играясь в изумрудной листве, скользил прохладный ветерок. Этель с наслаждением подставила лицо его нежным касаниям. Хорошо, что она взяла с собой ролики. Не придется потеть в душном, тесном автобусе.

— Если захочешь сбежать со смены — звони, — Каспер шутливо подмигнул и вытащил из-под крыльца свой скейтборд.

Он уже встал на доску и оттолкнулся, когда Этель крикнула ему вслед:

— А ты звони, если соскучишься!

Заливистый смех Каспера прокатился по тихой улочке, на которую выходили коттеджи, похожие на цветные кукольные домики.

— Намек понят! — крикнул Каспер, удаляясь все больше, и издали его голос казался совсем тихим. Звук таял, точно мороженое под знойным солнцем.

Щурясь от улыбки и ярких лучей, Этель проводила друга взглядом. Затем, сидя на ступенях крыльца, завязала потуже ролики, закинула кеды в рюкзак и двинулась в сторону луна-парка.

ГЛАВА 2

Дарен Йоркер уже третий час сидел у неработающего фонтана и нервно загибал края картонки, на которой крупными красными буквами значилось: «Дешевые портреты».

За сегодня к художнику подошло всего два человека, хотя обычно желающих удовлетворить самолюбие, получить изображение самих себя, было больше. Дарен привык, что к обеду он заканчивал не меньше пяти портретов, а потому затишье, какое настигло его сегодня, еще глубже вогнало в тоску.

Может, причина неудач крылась в том, какое место Дарен выбрал для рисования? Обычно он сидел с альбомом в тенистых скверах, иногда у торговых центров и музеев. Но сегодня Дарен пришел искать новых клиентов в луна-парке... и теперь с разочарованием смотрел на проходящих мимо людей, которые даже взглядом его не удостоивали.

Никто будто не замечал поникшего светловолосого парня с веснушками, рассыпанными по острому носу и впалым щекам, как осколки Млечного Пути по небу. Все посетители парка как один любовались аттракционами, что разукрасили унылые окраины Фирбси искрами огней.

Самые большие толпы собирались у горок. Они привлекали зевак грохотом рельсов и криками смельчаков. Те, сидя в пестрых вагонетках, взмывали по накрененным рельсам ввысь, проезжали на огромной скорости мертвые петли и камнем неслись с пика горки.

Зрители, которые сами не решались сесть в вагонетку, со смехом наблюдали за беднягами, надрывающимися

